

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д. Баланос

Наука - ли богословие?

Опубликовано:

Христианское чтение. 1908. № 8-9. С. 1180-1194.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Наука ли Богословіе? *)

Я ДУМАЮ, что для столь избранныхъ слушателей, среди которыхъ присутствуютъ представители всѣхъ наукъ, избранная мною тема не безъинтересна. Наука ли Богословіе, т. е. насколько Богословіе занимаетъ особое, самостоятельное положеніе въ совокупности наукъ и можетъ ли оно быть предметомъ спеціальныхъ факультетовъ въ университетахъ? Вѣдь не только въ Западной Европѣ и особенно въ Голландіи, но и у насъ съ недавняго времени существуетъ какое-то стремленіе представить Богословіе лишеннымъ тѣхъ свойствъ и качествъ, которыя дѣлаютъ его самостоятельной наукой. Это стремленіе усиливается доказать, что нѣтъ нужды въ спеціальныхъ богословскихъ факультетахъ въ университетѣ, а достаточно духовныхъ школъ и академій для образованія будущихъ клириковъ.

Но прежде, чѣмъ разбирать разныя возраженія противъ Богословія, какъ науки, изслѣдуемъ вытекающую изъ политическихъ побужденій тенденцію удалить богословскіе факультеты изъ университета. На Западѣ этого удаленія желаютъ тѣ, которые думаютъ, что между церковью и государствомъ должны прекратиться всякія взаимоотношенія, какъ опасныя для государства, основы коего церковь хочетъ поколебать, уничтожая національное чувство. Поэтому государство должно позаботиться объ образованіи своихъ членовъ, а церковь, совершенно отъ него независимая—своихъ.

*) Вступительная лекція приватъ-доцента богословскаго факультета Аѳинскаго университета Д. Баланоса, произнесенная въ октябрѣ 1906 г.

Содѣйствовавшія возникновенію такихъ принциповъ на Западѣ причины, происшедшія изъ эгоистическихъ и враждебныхъ въ отношеніи къ государству стремленій римской церкви, которая желаетъ расширить свое матеріальное положеніе, жертвуя государственными интересами,—эти причины къ счастью никогда не появлялись у насъ, чтобы способствовать порожденію такихъ началъ. Напротивъ, наша церковь и государство считались всегда взаимно объединенными и интересы одного были всегда интересами другой. Возстановленіе греческаго государства было во многихъ отношеніяхъ дѣломъ греческой церкви, и теперь въ дѣлѣ осуществленія государственныхъ и національныхъ идеаловъ могучая помощь государства является союзникомъ и защитникомъ церкви.

Поэтому, если на Западѣ и есть какая-либо причина раздѣленія образованія гражданина земнаго государства отъ образованія гражданина небснаго государства, то какое основаніе можетъ имѣть подобная тенденція у насъ? Къ чему стремится государство? Какую конечную цѣль оно преслѣдуетъ тѣмъ, что даетъ своимъ гражданамъ университетское образованіе—какую иную цѣль, какъ не благоденствіе народа? Но можетъ ли оно достигнуть народнаго благоденствія безъ религіознаго образованія, которое посредственно или непосредственно даютъ народу богословскія школы? И вообще можно ли считать благоустроеннымъ то общество, члены котораго лишены религіознаго образованія?

Исторія учитъ насъ, что не можетъ существовать общество, достойное этого имени, безъ религіи, и что всякая эпоха развитія какой-нибудь націи была эпохой живой вѣры и наоборотъ за эпохой невѣрія и сомнѣнія слѣдовалъ упадокъ. «Главное, единственное и глубокое положеніе всемірной исторіи, говоритъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ умовъ человѣчества Гёте ¹⁾, есть борьба между невѣріемъ и вѣрою. Всѣ эпохи, въ которыя господствуетъ вѣра, въ какой бы то ни было формѣ, блестящи, благотворны и плодотворны для современниковъ и для потомства. Наоборотъ, всѣ эпохи, въ которыя господствуетъ невѣріе, въ какой бы то ни было формѣ, проходятъ безрезультатно для потомства, потому что никто съ интересомъ не занимается изученіемъ бесплодныхъ эпохъ». Стоитъ только

¹⁾ У Baur'a (G) „Die Berechtigung der Theologie als eines nothwendigen Gliedes im Gesamtorganismus der Wissenschaft“ (Theol. Studien und Kritiken 1875, II, стр. 218).

упомануть времена паденія Греціи и Рима, вспомнить какую картину представляла Франція, когда Робеспьеръ запретилъ вѣру въ Бога—вѣру, которую онъ немного спустя былъ принужденъ опять возстановить, считая ее государственной нуждой.

Мы не отрицаемъ, что кромѣ религіи существуютъ и другія средства, которыя могутъ возбудить человѣческій духъ къ духовному и идеальному. Наука и искусство всегда развивали благородныя чувства. Мы согласны, что ученые и художники, воспитанные въ христіанскомъ духѣ, могутъ сохранять возвышенныя идеи и безъ дѣятельнаго участія въ церковной жизни. Но могло ли бы это быть, если бы исчезли христіанство и церковь? Можно ли по нѣсколькимъ привилегированнымъ умамъ судить о состояніи общества? Наша цивилизація основывается на христіанствѣ и не чѣмъ инымъ, какъ утопіями являются тѣ теоріи, которыя говорятъ, что услуги церкви для общества удачнѣе могутъ быть замѣнены философскою или этической системой. Я спрошу: какая изъ дивныхъ системъ древняго міра могла спасти его отъ нравственнаго упадка и матеріальной катастрофы? Какая изъ тѣхъ системъ стала источникомъ духовной бодрости и нравственнаго возрожденія? Что давало надежду и утѣшеніе несчастнымъ? Что сдѣлалось принадлежностью богатаго и бѣднаго, счастливаго и несчастнаго, образованнаго и необразованнаго? На чемъ, если не на религіи, можетъ основываться этика? Какимъ образомъ можно понять этическій законъ безъ Нравственнаго Законодателя, отъ Котораго онъ исходитъ и Волей Котораго онъ является?

Все это показываетъ намъ, что религія не есть нѣчто, интересующее исключительно церковь, но не менѣе и самое государство, которое не можетъ быть благоустроеннымъ, если оно смотритъ съ пренебреженіемъ на религіозное чувство. Поэтому государство заинтересовано и должно позаботиться о религіозномъ развитіи народа, способствуя распространенію учреждений, дающихъ нужное образованіе, высшей ступеню котораго является университетское.

И если бы христіанство было просто совокупностью положительныхъ каноническихъ правилъ и нравственныхъ нормъ, какъ думаютъ нѣкоторые латинскіе богословы и Кантъ, то и тогда христіанское Богословіе, какъ ученіе о христіанской церкви, имѣло бы право быть предметомъ изученія въ университетахъ настолько, насколько и ученіе положительнаго

права. Вѣдь, никто не можетъ отрицать, что церковь есть сила, глубоко проникшая во всѣ отношенія нашей жизни— сила первостепенная, съ которой каждый, хотя, можетъ быть, и невольно, имѣетъ общеніе. Но для насъ христіанство—бо-
лѣе, чѣмъ только сила ¹⁾).

Отдѣленія богословскаго образованія отъ остальнаго академическаго образованія желаютъ не только враги церкви изъ политическихъ побужденій, но и люди, думающіе, что это раздѣленіе поддерживаетъ интересы церкви. Но еще вопросъ— будетъ ли неразумное усердіе этихъ людей болѣе полезно для церкви, чѣмъ открытое преслѣдованіе со стороны ея враговъ. Находятся лица, особенно въ лонѣ римской церкви, которыя изъ боязни, что свѣтъ науки, распространяемый академическимъ образованіемъ, можетъ повредить твердости христіанской вѣры, желаютъ окончательнаго раздѣленія учреждений, имѣющихъ своимъ предметомъ вѣру, и учреждений, занимающихся наукой. Они требуютъ, чтобы клирики получали образованіе въ совершенно независимыхъ отъ государства семинаріяхъ и церковныхъ школахъ. «Если бы дѣло обстояло такъ, говорить Dillmann ²⁾, то тогда, конечно, университеты не были бы удобнымъ мѣстомъ для образованія учителей и дѣятелей церкви. Но такое осужденіе университетскаго богословскаго образованія было бы въ то же время и осужденіемъ самой церкви. Церковь, которая не въ силахъ устоять при свѣтѣ науки, не есть уже живая церковь, имѣющая право требовать къ себѣ довѣрія; она могла бы существовать только въ низшихъ слояхъ толпы, подобно древнимъ народнымъ религіямъ въ первыя вѣка христіанства; она могла бы стать при фанатизмѣ опасной, но не имѣла бы никакого вліянія на развитіе челоуѣчества и ее можно было бы сравнить съ солью, потерявшей свой вкусъ, о которой говоритъ Господь».

Конечно, университетское изслѣдованіе, какъ и всякое другое, во всѣхъ отрасляхъ сопряжено съ опасностями, потому что исканіе и нахожденіе истины невозможно безъ ошибокъ. «Челоуѣкъ заблуждается, когда изслѣдуетъ» ³⁾. Но почему мы

¹⁾ Dillmann (A). „Ueber die Theologie als Universitaetswissenschaft“ (Berlin 1875) стр. 10.

²⁾ Op. cit. стр. 6 и Dorner (A) „Grund probleme der religions Philosophie“ (Berlin 1903) стр. 4.

³⁾ „Es irrt der Mensch so lang' er strebt“ (Goethe Faust, Prolog im Himmel).

думаемъ, что истинный духъ христіанства подвергается большой опасности отъ чистаго свѣта науки въ университетахъ? Во всякомъ случаѣ заблужденія, которыя могутъ произойти отъ свободнаго университетскаго изслѣдованія, не только не вредны, но и неизбѣжны; истина, прежде чѣмъ заблестѣтъ, должна почти всегда пройти темную дорогу помраченія. «Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусїи явлени бывають въ васъ» ¹⁾, писалъ ап. Павелъ. Заблужденіе есть почти постоянный спутникъ истины. Пришествію Спасителя предшествовала эпоха ужаснѣйшаго помраченія; Аванасію предшествовалъ Аріѳ, Кириллу—Несторіѳ, Льву—Евтихїѳ. И для исправленія ошибокъ не пужно никакого иного средства, кромѣ университета; «аще будетъ отъ чловѣкъ совѣтъ... или дѣло... разорится» ²⁾.

Итакъ, мы видимъ, что изслѣдованіе началъ церковнаго ученія при свѣтѣ чистой науки не только не вредитъ церкви, но напротивъ служить ея интересамъ. «Творяѳ же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана» ³⁾, говоритъ Господь.

Обыкновеннымъ возраженіемъ противъ Богословія, какъ науки, является то, что оно, исходя изъ предположеній и стѣсняя свободу имъ занимающихся, тѣмъ самымъ лишается главнаго свойства науки,—свободы изслѣдованія, и слѣдовательно, оно не есть наука.

Такою предпосылкой для стѣсненія свободнаго изслѣдованія древними и новѣйшими учеными считалась вѣра, предшествующая знанію, между тѣмъ какъ, по ихъ мнѣнію, знаніе должно предшествовать вѣрѣ. Но тѣ, которые говорятъ это, не знаютъ или забываютъ о томъ, какъ возникла богословская наука. Она возникла главнымъ образомъ изъ желанія, чтобы вѣра церкви и личности была вѣрой разумной, поэтому и Богословіе есть наука о христіанской вѣрѣ, а его цѣль—превратить вѣру въ знаніе. Но какимъ образомъ можно достигнуть этого, не принявъ вѣру за его исходный пунктъ? Если бы не было вѣры, то не было бы и стремленія возвести ее на степень знанія и слѣдовательно исчезла бы всякая основа для Богословія, по крайней мѣрѣ систематическаго. Но не

¹⁾ I Кор. 11, 19.

²⁾ Дѣян. Ап. 5, 38.

³⁾ Іоан. 3, 21.

только религіознымъ истинамъ, но и всякому научному знанію и доказательству какой-либо истины предшествуетъ извѣстный непосредственный опытъ, который даетъ содержаніе объекту знанія; безъ такого опыта человѣкъ не зналъ бы, что онъ хочетъ доказать и даже непостижимо желаніе доказать истину, которая совсѣмъ не содержится въ нашемъ опытѣ. Но духъ человѣческій не довольствуется такимъ опытомъ; онъ старается возвести его въ знаніе, чтобы убѣдиться въ истинѣ, данной ему опытомъ. Основаніемъ для знанія въ области, доступной человѣческому уму, является опытъ, который въ дѣлѣ религіи выражается вѣрой и долженъ стать разумной вѣрой, т. е. знаніемъ. Въ этомъ смыслѣ Августинъ, повторяя сказанное пророкомъ Исаіемъ: «аще не вѣруете, ниже имате разумѣти» ¹⁾, говоритъ, что «вѣра предшествуетъ знанію» ²⁾, также Ансельмъ Кентерберійскій говоритъ: «хочу не понять, чтобы повѣрить, но вѣрю, чтобы понять... потому что кто не повѣрилъ, тотъ не можетъ получить опыта, а кто не получилъ опыта, тотъ не можетъ понять» ³⁾.

Такимъ образомъ, вѣра есть исходный пунктъ Богословія и оно не можетъ быть понятнымъ, если не исходитъ изъ этого начала.

Но правильно понимаемая вѣра не ограничиваетъ свободы изслѣдованія; поэтому, говоря о вѣрѣ, мы разумѣемъ не мертвящую букву, но оживляющій духъ ⁴⁾. Буква—временное дѣло человѣка, и только духъ буквы есть нѣчто божественное и вѣчное. Говоря о вѣрѣ, мы разумѣемъ сосредоточеніе на вѣчныхъ и непреходящихъ религіозныхъ началахъ, проявляющихся въ церкви Духомъ Божіимъ, а не на томъ, что было предметомъ богословствованія предыдущихъ поколѣній. Богословіе, удовлетворяющееся лишь собираніемъ мнѣній предшествовавшихъ поколѣній безъ ихъ надлежащей переработки и развитія, является въ своемъ родѣ какимъ-то ремесломъ, во многихъ отношеніяхъ, конечно, полезнымъ, но недостойнымъ имени науки. Если Богословіе стремится быть наукой, достойной своего имени, оно должно обратить взоры на свой золотой вѣкъ—на эпоху Аоанасія, Григорія, Василія и Златоуста—эпоху, въ которую истинный православный бо-

¹⁾ Ис. 7, 9.

²⁾ Epistola 120, I, 3 Migne P. L. 33, 453 и у др.

³⁾ Proslogion I. De fide trinitatis 2 (у Migne P. L. 158, 227 и 264).

⁴⁾ II Кор. 3, 6.

гословъ, великій Григорій Назіанзинъ, могъ говорить: «фило-софствуй мнѣ о мірѣ и мірахъ, о матеріи, о душѣ, о всѣхъ мыслимыхъ вещахъ, лучшихъ и худшихъ, о воскресеніи, о будущемъ судѣ, о воздаяніи, о страданіяхъ Христа, потому что въ этихъ вопросахъ и рѣшеніе не бесполезно и ошибка не опасна» ¹⁾. А между тѣмъ никогда такъ не процвѣтала Церковь, какъ въ то время, свободнаго богословскаго изслѣдованія. Религія есть союзъ Божества съ человѣкомъ. Богословіе есть лишь научное изслѣдованіе этого союза. Сліяніе религіи и Богословія повлекло за собой парализацію послѣдняго. Религія есть нѣчто вѣчное, Божественное, Богословіе—нѣчто человѣческое и слѣдовательно можетъ впадать въ заблужденіе, прогрессировать, улучшаться, возвышаться и, какъ таковое должно направляться и слѣдовать за современнымъ научнымъ движеніемъ, принимать вѣрные результаты прочихъ наукъ. Развѣ великіе отцы не знали и не обращали вниманія на современное имъ научное движеніе?—и если нѣкоторые богословы съ теченіемъ времени забываютъ эти истины, то это ошибка не Богословія, а богослововъ и ихъ эпохи. Не живя этимъ духомъ, Богословіе дѣлается отчужденнымъ отъ прочихъ наукъ, отдѣляется отъ нихъ китайской стѣной и тѣмъ подрываетъ свои научные принципы.

Фихте говорилъ, что академическая свобода составляетъ жизненное дыханіе университетовъ; дѣйствительно, это то небесное дыханіе, безъ котораго невозможно развитіе духовныхъ плодовъ. Но какъ во всякой наукѣ, такъ и въ Богословіи свободное изслѣдованіе должно имѣть свои предѣлы. Какъ на юридическомъ факультетѣ нельзя внушать революціонныя ученія о государствѣ, такъ, по болѣе важнымъ причинамъ, на богословскомъ факультетѣ нельзя преподавать ученій, подрывающихъ основы религіи и церкви. Но это не ограниченіе свободы, а терминъ безъ котораго нельзя опредѣлить конечную цѣль науки. Разъ назначеніе богословскихъ факультетовъ—служить интересамъ Религіи и Церкви, то было бы неразумно дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Вслѣдствіе этого самымъ логичнымъ является то обѣщаніе, которое даютъ кандидаты при назначеніи, обязуясь соблюдать догматы церкви, и въ порицаніе которому докторъ богословія Paul de Lagarde говорить: «Богословы, которые, какъ бы то

¹⁾ Богосл. I, гл. I Migne P. G. 36, 25.

ни было, взяли на себя обязательства относительно методовъ и цѣлей ихъ работы, не имѣютъ права считаться служителями науки» ¹⁾. Но мы думаемъ, что совсѣмъ нельзя считать ограниченіемъ свободы то обстоятельство, что представители факультета, имѣющаго цѣлью служеніе и развитіе интересовъ церкви, обѣщаютъ въ точности соблюдать догматы, т. е. основы церковнаго общества; вѣдь совершенно не отнимаетъ научной свободы юриста обязательство, которое онъ даетъ при своемъ назначеніи, обѣщая способствовать сохраненію и укрѣпленію государства.

Мнѣніе лицъ, считающихъ религію чувствомъ и, какъ такую, не подлежащей научному изслѣдованію, также не вѣрно, потому что исходитъ изъ ошибочнаго предположенія. Религія не должна считаться лишь какимъ-то стремленіемъ или чувствомъ,—она должна быть признана, какъ знаніе Божества, къ которому человѣческій разумъ старается возвыситься, и какъ воля, дѣйствующая согласно Божественному закону. Такимъ образомъ религія не только чувство, но и знаніе и воля, а слѣдовательно она относится ко всѣмъ способностямъ и дѣйствіямъ человѣческаго духа.

Принимая кантовскій дуализмъ вѣры и знанія, чувства и разума, Базельскій профессоръ богословія Franz Overbeck говоритъ, что противоположность между вѣрой и наукой непримирима, потому что наука можетъ только вредно повліять на религію. Это мнѣніе принимаютъ и нѣкоторые черезчуръ усердные люди, полагающіе, что вѣра, исходящая изъ Божественнаго источника, является самодовлѣющей и для своего авторитета не нуждается въ человѣческомъ знаніи. Но мнѣніе, по которому христіанская религія есть нѣчто открытое Богомъ, а потому всякое стремленіе изслѣдовать его научно представляется нечестіемъ—это мнѣніе не выдерживаетъ серьезной критики. Вѣдь изслѣдованіе не предполагаетъ сомнѣнія въ своемъ предметѣ, а въ качествѣ побужденія имѣетъ живое желаніе хорошо понять содержаніе божественнаго откровенія не какъ противорѣчащее разуму, но какъ согласное съ его вѣчными законами ²⁾.

¹⁾ У Вагг op. cit. стр. 214 и 232.

²⁾ См. Анзельма Кентерберійскаго *Proslogion II* (Migne P. L. 158, 227); „Господи, Ты, Который далъ вѣрѣ разумъ, дай мнѣ, насколько Ты хочешь, разумъ, чтобы знать, что Ты существуешь и что существуешь, для того, чтобы вѣровали въ Тебя“.

Эта двойственность вѣры и знанія, какъ противоположностей, знаменуетъ собою осужденіе или Богословія или Религіи, потому что прошла уже пора, когда можно было говорить: «такъ учить Церковь, а такъ наука», или какъ говорилъ философъ Якоби: «сердцемъ христіанинъ, умомъ язычникъ». Нѣтъ! Здравому уму противно вѣрить въ справедливость того, что мы признаемъ ложнымъ. Гармонія вѣры и знанія это потребность всякаго здраваго ума. Духъ нашей эпохи—духъ научный, не терпящій добровольнаго раздѣленія вѣры и знанія, и ищущій гармоническаго сочетанія ихъ обоихъ. Только при такомъ согласіи вѣры и знанія Богословіе можетъ съ достоинствомъ оспаривать свое значеніе на ряду съ прочими науками. Я не говорю, что оно можетъ быть главою наукъ или наукою наукъ, потому что это пустое выраженіе безъ всякаго значенія: между науками нѣтъ ни царицы, ни рабыни, всѣ науки—сестры и дѣти одного и того же отца—вѣчнаго духа.

Конечно, все не можетъ стать для насъ извѣстнымъ, какъ во всякой области знанія, такъ и въ религіозной въ особенности, ограниченный духъ человѣка имѣетъ опредѣленные границы, дальше которыхъ онъ не можетъ идти. Всегда останутся неразрѣшенные тайны! Но можетъ ли кто-нибудь утверждать, что Богословіе не наука, потому что многіе его вопросы превышаютъ человѣческое пониманіе и лежатъ за предѣлами человѣческаго знанія? Какая наука не имѣетъ тайнъ и нерѣшенныхъ вопросовъ, которыхъ человѣческій умъ не можетъ постигнуть? Естественныя науки, математика, философія—развѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ множества нерѣшенныхъ вопросовъ и загадокъ? И тѣмъ не менѣе, кто вслѣдствіе этого не признаетъ ихъ за науки?

Но существуетъ другое возраженіе противъ Богословія, какъ науки. Нѣкоторые говорятъ, что философія изслѣдуетъ тотъ же кругъ вопросовъ, что и Богословіе, а потому для чего существуетъ послѣднее? Однако тѣ, которые говорятъ это, забываютъ, что эти науки произошли отъ разныхъ причинъ и что, слѣдовательно, у нихъ различенъ не только методъ, но различна и самая цѣль. Философія стремится пайти общее воззрѣніе на міръ и жизнь, которое удовлетворяло бы потребности разума и нужды сердца ¹⁾, а Богословіе изслѣ-

¹⁾ См. Wunat (W) „Einleitung in die Philosophie“ (Leipzig 1902) стр. 5

дуетъ уже открытую истину; чтобы обосновать ее на разумѣ. Философія хочетъ только найти для себя вѣру, а Богословіе уже имѣетъ ее и старается возвести ее въ знаніе. Не слѣдуетъ думать, что Богословіе не наука, ибо предметъ ея данъ: это было бы осужденіемъ всякой позитивной науки.

Многіе изъ желающихъ уничтоженія богословскихъ факультетовъ, особенно въ Голландіи думаютъ, что здравые элементы Богословія могутъ быть изслѣдуемы въ распредѣленіи между прочими науками. Такъ, напр., толкованіе Писанія можетъ бытъ изучаемо во всеобщемъ толкованіи, библейская и церковная исторія—во всемірной исторіи, христіанская литература—во всеобщей литературѣ, Догматика и Этика—въ философіи, еврейская и христіанская археологія—во всеобщей археологіи, гомилетика—въ риторикѣ, катехитика—въ педагогикѣ,—и будущіе клирики церкви, изучая эти предметы, могли бы получить свое церковное и практическое образованіе въ семипаріяхъ. Но такъ изучаемые, эти предметы не составляютъ чего-либо единаго, цѣлаго и въ нихъ будетъ недоставать объединяющей связи, сгруппировывающей ихъ въ одну науку; да такимъ путемъ и невозможно достигнуть такого изслѣдованія, къ которому стремится богословскій факультетъ, т. е. образованія подготовленныхъ дѣятелей и учителей церкви. Священное Писаніе, изучаемое, какъ простое филологическое произведеніе на филологическомъ факультетѣ, не будетъ уже книгою абсолютной санкціи, источникомъ религіозности, не будетъ уже божественной бібліей, а просто одною изъ человѣческихъ книгъ. Церковная исторія, изучаемая, какъ отдѣлъ всемірной исторіи не будетъ изслѣдоваться съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, безъ котораго нельзя будетъ понимать и уважать судьбы церкви. Догматика, изучаемая въ философіи лишится своей особенности и сольется съ философіей; вѣра уже не будетъ исходной точкой догматики, а станетъ предметомъ критическаго изслѣдованія философіи. Затѣмъ, изученію этихъ предметовъ нельзя будетъ развиваться такъ широко и подробно, какъ теперь на богословскихъ факультетахъ; они будутъ проходиться на скорую руку и уроки очень важные для каждаго богослова (какъ исторія догматовъ, символика, апологетика, пастырское богословіе и др.) останутся совершенно не изученными и исчезнутъ изъ научной области. Во всякомъ случаѣ эти предметы, преподаваемые профессорами философскаго факультета, которые могутъ внушить начала

Эта двойственность вѣры и знанія, какъ противоположностей, знаменуетъ собою осужденіе или Богословія или Религіи, потому что прошла уже пора, когда можно было говорить: «такъ учить Церковь, а такъ наука», или какъ говорилъ философъ Якоби: «сердцемъ христіанинъ, умомъ язычникъ». Нѣтъ! Здравому уму противно вѣрить въ справедливость того, что мы признаемъ ложнымъ. Гармонія вѣры и знанія это потребность всякаго здраваго ума. Духъ нашей эпохи—духъ научный, не терпящій добровольнаго раздѣленія вѣры и знанія, и ищущій гармоническаго сочетанія ихъ обоихъ. Только при такомъ согласіи вѣры и знанія Богословіе можетъ съ достоинствомъ оспаривать свое значеніе на ряду съ прочими науками. Я не говорю, что оно можетъ быть главою наукъ или наукою наукъ, потому что это пустое выраженіе безъ всякаго значенія: между науками нѣтъ ни царицы, ни рабыни, всѣ науки—сестры и дѣти одного и того же отца—вѣчнаго духа.

Конечно, все не можетъ стать для насъ извѣстнымъ, какъ во всякой области знанія, такъ и въ религіозной въ особенности, ограниченный духъ человѣка имѣетъ опредѣленные границы, дальше которыхъ онъ не можетъ идти. Всегда останутся неразрѣшенные тайны! Но можетъ ли кто-нибудь утверждать, что Богословіе не наука, потому что многіе его вопросы превышаютъ человѣческое пониманіе и лежатъ за предѣлами человѣческаго знанія? Какая наука не имѣетъ тайнъ и нерѣшенныхъ вопросовъ, которыхъ человѣческій умъ не можетъ постигнуть? Естественныя науки, математика, философія—развѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ множества нерѣшенныхъ вопросовъ и загадокъ? И тѣмъ не менѣе, кто вслѣдствіе этого не признаетъ ихъ за науки?

Но существуетъ другое возраженіе противъ Богословія, какъ науки. Нѣкоторые говорятъ, что философія изслѣдуетъ тотъ же кругъ вопросовъ, что и Богословіе, а потому для чего существуетъ послѣднее? Однако тѣ, которые говорятъ это, забываютъ, что эти науки произошли отъ разныхъ причинъ и что, слѣдовательно, у нихъ различенъ не только методъ, но различна и самая цѣль. Философія стремится найти общее воззрѣніе на міръ и жизнь, которое удовлетворяло бы потребности разума и нужды сердца ¹⁾, а Богословіе изслѣ-

¹⁾ См. Wunat (W) „Einleitung in die Philosophie“ (Leipzig 1902) стр. 5

дуетъ уже открытую истину, чтобы обосновать ее на разумѣ. Философія хочетъ только найти для себя вѣру, а Богословіе уже имѣетъ ее и старается возвести ее въ знаніе. Не слѣдуетъ думать, что Богословіе не наука, ибо предметъ ея данъ: это было бы осужденіемъ всякой позитивной науки.

Многіе изъ желающихъ уничтоженія богословскихъ факультетовъ, особенно въ Голландіи думаютъ, что здравые элементы Богословія могутъ быть изслѣдуемы въ распредѣленіи между прочими науками. Такъ, напр., толкованіе Писанія можетъ быть изучаемо во всеобщемъ толкованіи, библейская и церковная исторія—во всемірной исторіи, христіанская литература—во всеобщей литературѣ, Догматика и Этика—въ философіи, еврейская и христіанская археологія—во всеобщей археологіи, гомилетика—въ риторикѣ, катехитика—въ педагогикѣ,—и будущіе клирики церкви, изучая эти предметы, могли бы получить свое церковное и практическое образованіе въ семинаріяхъ. Но такъ изучаемые, эти предметы не составляютъ чего-либо единого, цѣлаго и въ нихъ будетъ нехватать объединяющей связи, сгруппировывающей ихъ въ одну науку; да такимъ путемъ и невозможно достигнуть такого изслѣдованія, къ которому стремится богословскій факультетъ, т. е. образованія подготовленныхъ дѣятелей и учителей церкви. Священное Писаніе, изучаемое, какъ простое филологическое произведеніе на филологическомъ факультетѣ, не будетъ уже книгою абсолютной санкціи, источникомъ религіозности, не будетъ уже божественной библіей, а просто одною изъ человѣческихъ книгъ. Церковная исторія, изучаемая, какъ отдѣлъ всемірной исторіи не будетъ изслѣдоваться съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, безъ котораго нельзя будетъ понимать и уважать судьбы церкви. Догматика, изучаемая въ философіи лишится своей особенности и сольется съ философіей; вѣра уже не будетъ исходной точкой догматики, а станетъ предметомъ критическаго изслѣдованія философіи. Затѣмъ, изученію этихъ предметовъ нельзя будетъ развиваться такъ широко и подробно, какъ теперь на богословскихъ факультетахъ; они будутъ проходиться на скорую руку и уроки очень важные для каждаго богослова (какъ исторія догматовъ, символика, апологетика, пастырское богословіе и др.) останутся совершенно не изученными и исчезнутъ изъ научной области. Во всякомъ случаѣ эти предметы, преподаваемые профессорами философскаго факультета, которые могутъ внушить начала

равнодушія къ христіанству, будутъ достигать цѣли, совершенно противоположной той, которую преслѣдуютъ богословскіе факультеты, т. е. ослабленія и упадка религіознаго чувства.

Справедливо то обстоятельство, что если нѣкоторыя богословскія лекціи теряютъ связь съ церковью, то онѣ перестаютъ быть богословскими и становятся филологическими, философскими, или историческими, какъ правильно замѣтилъ Scheiermacher ¹⁾, но это не значитъ, что Богословіе не есть единая и самостоятельная наука, потому что единство и самостоятельность какой-либо науки состоятъ не въ томъ, что ея матеріаль пріобрѣтается по сходному съ другими науками методу, а въ томъ, что въ ней проводится одна, самостоятельная и единая идея, проникающая различнаго рода матеріаль и объединяющая его въ нѣчто единое ²⁾. Такова и область Богословія, гдѣ всѣ лекціи систематизируются посредствомъ общей связи для определеннаго формулированія христіанской вѣры и посредствомъ общей цѣли ея усиленія и укрѣпленія.

Ренанъ, нѣкоторые изъ голландскихъ рационалистовъ и нѣкоторые изъ повѣйшихъ германскихъ богослововъ думаютъ, что если Богословіе стремится стать наукою, то оно не должно создавать ограниченій въ изслѣдованіи христіанской религіи, и должно расширить свои границы до науки о религіи вообще ³⁾. Но видно, что вышеназванные богословы забываютъ причины, создавшія богословскую науку, и что хотя большой интересъ предоставляетъ наука о религіи вообще, составляющая важнѣйшую часть философскихъ изысканій, однако не слѣдуетъ смѣшивать ее съ Богословіемъ, предметъ котораго—изслѣдованіе принциповъ христіанства, потому что Богословіе возникло не изъ желанія изслѣдовать всѣ религіи, а изъ стремленія къ специально научному разсмотрѣнію христіанской вѣры. Философія религіи—предметъ аналогичный философіи и относится къ философіи права, а исторія религіи, соотвѣтствующая исторіи государствъ,—предметъ наиболѣе важный для Богословія, преподаваніе котораго въ школахъ было бы очень хорошимъ дѣломъ—но самое Богословіе не является

¹⁾ Kurze Darstellung des theologischen Studiums (2 Aufl. Berlin 1830) § 6.

²⁾ Hofmann „Encyclopaedie der Theologie“ (Noerdlingen 1879) стр. 17.

³⁾ Ср. Zoeckler „Handbuch der theologischen Wissenschaften“ (1889) I, 1, 21.

предметомъ исторіи религій, какъ думаютъ упомянутые богословы.

Науки, которыя относятся отрицательно къ научности Богословія—это естественныя науки. Эти науки, изслѣдующія объекты внѣшними чувствами и воспріятіями, съ большимъ успѣхомъ переходя отъ открытія къ открытію, создали цѣлую систему причинъ, силъ и матеріи, дѣйствующую, какъ въ неорганической, такъ и въ органической природѣ,—систему, изумляющую всякаго незнакомаго съ ней и почти совершенно не измѣняющую старыя наивныя воспріятія и представленія. Но ни физическій, ни химическій анализъ не въ силахъ объяснить, откуда получили толчекъ дѣйствующія въ мірѣ силы и какимъ образомъ онѣ произвели и удерживаютъ явленія и вещи въ ихъ разнообразіи и цѣлесообразности. И если бы естественныя науки попытались когда нибудь объяснить этотъ порядокъ, то ихъ объясненія оказались бы противорѣчивыми и неосновательными гипотезами. Механическая теорія, посредствомъ которой естественныя науки только и пытаются истолковать всѣ явленія—эта теорія не можетъ объяснить всего; безъ сомнѣнія, въ мірѣ дѣйствуетъ нѣчто большее, чѣмъ простая естественная необходимость. Вѣдь, механическое воззрѣніе на міръ, исключющее всякую цѣлесообразность само по себѣ непостижимо; въ этомъ согласны всѣ великіе философы ¹⁾. Цѣлесообразность не можетъ быть объяснена ни матеріей, ни случаемъ, а только духомъ. И какъ ни одинъ здравомыслящій не станетъ отрицать въ естественныхъ наукахъ способность разбираться въ явленіяхъ природы, такъ и естественныя науки должны признать, что рядомъ съ ними имѣютъ право на существованіе и другія науки—абстрактныя, изслѣдующія конечный духъ и его проявленія и безконечный духъ самъ по себѣ и его отношенія къ конечному. Въ числѣ этихъ абстрактныхъ наукъ выдающееся положеніе занимаетъ Богословіе, такъ какъ оно занимается исключительно вопросами духа, которые относятся къ религіозной и этической области знанія. Религія—не эфемерное, преходящее явленіе—она всеобща и вѣчна и, какъ таковая требуетъ особаго научнаго изслѣдованія.

Естествоиспытатели не должны забывать, что каждая наука имѣетъ свои границы и тщательно должны избѣгать ихъ на-

¹⁾ Ср. нашу брошюру „Научное познаніе о существованіи Бога“ въ 1 зам. стр. 54.

рушенія, твердо помня въ то-же время мудрыя слова Бэкона Веруламскаго, что «только поверхностное наблюденіе природы можетъ удалить насъ отъ Бога, болѣе же глубокое и болѣе серьезное вновь возвращаетъ насъ къ Богу», и слова Пастера: «во имя какого философскаго или научнаго открытія можетъ кто-нибудь отнять у человѣческаго духа высокія идеи о Богѣ и безсмертіи?» и заключенія великаго натуралиста Дюбуа-Реймонда, говоряща, что «естественныя науки никогда не смогутъ объяснить явленій сознанія и разума. Человѣчество въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ, не смотря на всѣ открытія науки, не сдѣлало ни одного существеннаго шага впередъ для познанія энергіи духа изъ матеріальныхъ принциповъ. Да врядь ли оно сдѣлаетъ это и въ будущемъ».

Но если Богословіе желаетъ, чтобы его границы уважались другими науками, то оно первое должно подавать примѣръ такого уваженія и не заходить въ чужія области, рѣшая вопросы о чуждыхъ ему вещахъ, какъ, къ *несчастію*, любятъ дѣлать нѣкоторые богословы. Естественныя науки въ настоящее время требуютъ спеціальнаго и продолжительнаго изученія и трудно ученому *ex cathedra* высказываться о ихъ результатахъ. Конечно, онъ можетъ имѣть нѣкоторыя общія познанія о природѣ—познанія любителя—но у него никогда не будетъ тѣхъ основаній для строгаго разсужденія, которыя могутъ быть пріобрѣтены только спеціальнымъ изученіемъ и многолѣтнимъ опытомъ. Богословіе, какъ наука, не должно забывать изрѣченіе Писанія, которое говоритъ: «и еже ненавидиши, да ни кому же твориши» ¹⁾).

Оно должно ограничиваться предметами своего круга, которые очень интересны и разнообразны, и избѣгать тѣхъ вопросовъ, къ которымъ оно не призвано, имѣя въ виду, что «кійждо въ немже призванъ бысть, въ томъ да прибываетъ» ²⁾).

Естественныя науки изучаютъ природу, предметъ же Богословія—религіозныя и этическія явленія духа. Границы обѣихъ наукъ ясно опредѣлены. Какъ природа не рѣшаетъ религіозныхъ и нравственныхъ проблемъ, такъ Писаніе и Богословіе не раскрываетъ тайнъ природы. Эту идею прекрасно сформулировалъ Гизо, столь глубоко познавшій духъ христіанства ³⁾:

¹⁾ Товитъ, 4, 15.

²⁾ I Коринѣ. 7. 24.

³⁾ *Meditations sur la Religion chretienne* (Paris 1868) стр. 108 и д. д., 130 и д.

«Моисею Богъ продиктовалъ законы, устанавливающіе обязанности человѣка къ Богу и ближнему; для Ньютона Онъ оставилъ открытіе законовъ, касающихся системы міра. Боговдохновенность Писанія относится къ религіи и этикѣ—къ нимъ однимъ и ни къ одной другой человѣческой наукѣ... Астрономія, геологія, географія, хронологія, физика, историческая критика—всѣ онѣ чужды источнику и цѣли священнаго Писанія. Онѣ принадлежать къ области человѣческаго духа; это плоды, которые собрало человѣчество путемъ духовной работы преемственныхъ поколѣній. И такъ, если кромѣ чудесныхъ фактовъ, вы встрѣтите въ Священномъ Писаніи принципы и аксіомы, не согласныя съ извѣстными истинами разныхъ наукъ, то не удивляйтесь, не беспокойтесь; Богъ не принесъ туда Своего Божественнаго свѣта. Это выраженіе людей эпохи, по мѣрѣ ихъ разумѣнія,—выраженія, бывшія когда-то въ большомъ ходу; ихъ долженъ былъ употреблять всякій, кто желалъ быть понятымъ современниками. Что сказалъ бы, напр., Іудей въ пустынѣ или Іудей времянь апостоловъ, если бы услышалъ, что земля вертится около солнца...? Что можетъ быть при несовершенствѣ человѣческихъ знаній естественнѣе и необходимѣе, чѣмъ усвоеніе божественныхъ книгъ...».

Если бы существовало такое точное сознаніе границъ, раздѣляющихъ науки, то было бы меньше черныхъ страницъ въ исторіи человѣчества. Въ ея лѣтописи не были бы вписаны съ одной стороны мученія Коперника, Кеплера, Галлилея—этихъ мучениковъ за прогрессивныя открытія, во имя якобы евангельскихъ принциповъ, съ другой стороны въ ней не слышно было бы негармонирующихъ голосовъ созданій, отрицающихъ во имя изслѣдованій природы, ея и своего Создателя.

Поэтому Богословіе должно заботиться исключительно о религіозной и этической области. Забота объ изслѣдованіи столь возвышенныхъ и крѣпко соединенныхъ явленій, каковы явленія религіозныя и этическія, которыми усердно занимается человѣчество—эта забота показываетъ намъ, сколь велико назначеніе богословской науки и богословскихъ факультетовъ. Если таково назначеніе богословскихъ факультетовъ во всѣхъ государствахъ, то насколько оно должно быть больше у насъ, гдѣ Богословскій факультетъ имѣетъ цѣлью образованіе клира который оказался бы достойнымъ не только развивать религіозное чувство, но и исправлять злыя дѣла; гдѣ онъ долженъ воспитать клиръ, который имѣетъ провозгласить не только воскресеніе Христа, но и будущее воскресеніе націй.

Господа! указавъ, сколь возможно кратко, на то, какъ неосновательны возраженія противъ Богословія, мы указали одновременно и на необходимость богословскихъ факультетовъ въ университетахъ, потому что наука можетъ развиваться только тамъ гдѣ вѣетъ духъ свободы ¹⁾).

Главная задача нашей университетской дѣятельности будетъ состоять въ томъ, чтобы указать будущимъ дѣятелямъ и учителямъ церкви, что вѣра не умалится отъ свободнаго ислѣдованія, а напротивъ она этимъ укрѣпится, потому что стоитъ на твердомъ основаніи, на божественномъ словѣ—этомъ базисѣ, который могутъ обуревать противныя теченія,—но напрасно,—вѣдь она утверждается на недвижимомъ камнѣ «и врата адава не одолѣютъ ей» ²⁾).

Работая въ этомъ направленіи, мы можемъ быть увѣренными, что совершаемъ дѣло достойное традицій, которыя исторія нашего Богословія предносятъ нашимъ взорамъ. Работая въ этомъ направленіи, мы въ концѣ нашего поприща можемъ смѣло провозгласить вмѣстѣ съ апостоломъ: что Богъ «удоволи насъ служители быти нову завітѣ, не писмене, но духу» ³⁾).

Перевелъ В. Космадись.

¹⁾ Поэтому, мы считаемъ неосновательнымъ мнѣніе г. Е. Лукараса, (см. „Nêx Σίών 1905, № 6, стр. 964—967 и Nêx ἡμέρῃ ¹⁵/₂₈ января 1906), по которому система независимыхъ богословскихъ академій „въ тысячу разъ предпочтительнѣе системы университетскихъ богословскихъ факультетовъ“. Что ученые лучше образуются въ университетахъ, чѣмъ въ богословскихъ академіяхъ—это очевидно. Для доказательства этого и для того, чтобы наша критика не показалась пристрастной и субъективной, приведемъ то, что наблюдается въ области всеобщаго Богословія—гдѣ именно процвѣтаетъ всеобщая богословская наука—въ Германіи и Швейцаріи, въ которыхъ существуетъ система богословскихъ факультетовъ или въ Испаніи, Италиі, Франціи и Португаліи, гдѣ господствуетъ система независимыхъ (или вѣрнѣе зависящихъ отъ церкви) церковныхъ академій? Мы даже не наблюдали, чтобы клирики, получившіе образованіе въ университетѣ, были менѣе „нравственны, добродѣтельны и благочестивы“, чѣмъ получившіе образованіе въ церковныхъ академіяхъ, какъ, повидимому, думаетъ г. Лукарасъ (Nêx Σίών стр. 364). Этимъ мы не желаемъ конечно умалить плодовъ богословскихъ академій, изъ которыхъ вышли многіе, отличающіеся теперь въ богословскомъ движеніи, но здѣсь дѣло не въ исключеніяхъ, а въ обычномъ порядкѣ вещей. Мы думаемъ, что несправедливъ вопросъ о предпочтеніи той или иной системы.

²⁾ Матѣ. 16, 18.

³⁾ II. Коринѣ. 3, 6.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки